

**О годе смерти Святослава Игоревича
Великого князя Киевского**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 О годе смерти Святослава Игоревича Великого князя Киевского / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 66 с.

ISBN 978-5-517-95349-0

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1876 года.

ISBN 978-5-517-95349-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

этимъ дѣло не стало; появилась даже попытка наглядно объяснить происхожденіе предполагаемой ошибки въ актѣ, и исправить ее по указанію Византійца, какъ авторитета непогрѣшимаго. На эту-то попытку ссылается, подтверждая свою поправку, и А. А. Куникъ. «Впрочемъ (говоритъ онъ) И. И. Срезневскій уже другимъ путемъ доказалъ, что смерть вел. кн. Святослава должна быть отнесена къ 973 году. См. его изслѣдованіе о русско-византійской войнѣ, въ Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. VII, столб. 341—345».

Объ этомъ изслѣдованіи, появившемся уже въ 1858 году, мы доселѣ, надо признаться, не имѣли и понятія; потому что оно своимъ заглавіемъ: «Слѣды глаголицы въ памятникахъ X вѣка»— всегда какъ-то отталкивало насъ (можетъ быть и не однихъ насъ) вовсе не знакомыхъ съ глаголицею. Путь, которымъ И. И. Срезневскій пришелъ къ заключенію, что Святославъ погибъ въ 973 году—не новый: Левъ Діаконъ говоритъ (кн. VII, 9), что императоръ Іоаннь Цимисхій, среди дѣятельныхъ приготовленій къ войнѣ съ Русскими, праздновалъ свой бракъ съ Θεодорою, дочерью Константина Багрянороднаго, во второмъ году своего царствованія, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и затѣмъ, проведя зиму въ столицѣ, съ наступленіемъ весны выступилъ въ походъ. А какъ Іоаннь вступилъ на престолъ въ концѣ 969 года, 11-го декабря, то второй годъ его царствованія—971-й въ ноябрѣ мѣсяцѣ уже оканчивался. Значитъ, начавшаяся съ слѣдующей весны борьба его съ Святославомъ непременно должна была происходить уже въ 3-мъ году его царствованія, т. е. въ 972, или въ сентябрьскомъ 6480 году. Въ томъ же году она и кончилась въ іюлѣ мѣсяцѣ: 22-го или 24 іюля происходила послѣдняя битва при Доростолѣ, и на другой день заключенъ былъ миръ, скрѣпленный клятвеннымъ обязательствомъ Святослава, выданнымъ Цимисхию въ томъ, что онъ, Святославъ, будетъ свято хранить миръ съ Греками «до конца вѣка», и никогда впредь даже и не помыслить воевать какія-либо греческія владѣнія. Слѣдовательно, подлинная грамота этого, такъ называемаго, договора Святослава была

написана тотчасъ по заключеніи мира и въ ней непременно значилось: «мѣсяца іюля . . . , индикта въ 15, въ лѣто 6480»; а въ такомъ случаѣ показаніе нашей лѣтописи, что договоръ писанъ «индикта въ 14, въ лѣто 6479», разумѣется, должно быть признано ошибочнымъ, и въ этой ошибкѣ можно винить или писца, снявшаго копію съ подлинника, или самого лѣтописца, внесшаго договоръ съ копіи въ лѣтопись ¹⁾).

И. И. Срезневскій полагаетъ, что ошибочный индиктъ и годъ договора въ нашей лѣтописи могутъ быть объяснены влияніемъ глаголицы, т. е. что подлинная грамота Святослава была написана глаголицею, а потомъ переписана кириллицею, и что при перепискѣ-то и произошли ошибки въ числахъ, отъ того, что нѣкоторыя цифирныя буквы глаголицы, имѣющія другое значеніе, чѣмъ соотвѣтствующія имъ буквы кириллицы, были прочтены невѣрно, были приняты въ значеніи цифирныхъ буквъ кириллицы, а не глаголицы. Но отъ чего бы не произошли эти ошибки, дѣло въ томъ, что мы необходимо должны признать ихъ дѣйствительно существующими въ лѣтописной передачѣ Святославовой записи, если, согласно съ показаніемъ Льва Діакона, примемъ іюль мѣсяцъ 6480 года за время заключенія мира. А вслѣдствіе этого, разумѣется, нельзя не признать ошибкою и показаніе лѣтописца,

---

¹⁾ Что наши договоры съ Греками внесены въ лѣтопись не съ подлинныхъ хартій, а съ официальныхъ копій, видно по единообразной надписи или заголовкѣ, которою всѣ они начинаются: «Равно другаго свѣщанья» и т. д. Ибо въ этой фразѣ слово «равно» есть буквальный переводъ византійскаго канцелярскаго термина τὸ ἴσον, соотвѣтствующаго нашему *копія*, а «свѣщанье» такой же переводъ греческаго τὸ συμβόλαιον — *письменный актъ договора, договорная грамота* (см. Н. А. Лавровскаго: «О визант. элементѣ въ языкѣ договоровъ». Спб. 1853, стр. 43—45). Несмотря на это вполне основательное объясненіе г. Лавровскаго, у насъ до сихъ поръ продолжаютъ понимать слова «равно другаго свѣщанья» въ томъ же смыслѣ, какой гадательно придавалъ имъ еще Татищевъ, т. е. будто бы они указываютъ на какой-то другой, предшествовавшій договоръ, согласно съ которымъ, или въ подтвержденіе котораго заключенъ между тѣми же лицами новый договоръ, начинающійся этими словами; а отъ такого ложного понятія, разумѣется, выводятся и заключенія ложныя. Для примѣра укажемъ на статью: «Борьба Святослава съ Цимисхіемъ» — Е. А. Блоса, въ Журн. М. Н. Пр. 1873, декабрь, стр. 192.

что Святославъ погибъ «веснѣ приспѣвши, въ лѣто 6480»; смерть его также необходимо должна быть отнесена уже къ веснѣ слѣдующаго, 6481 сентябрскаго, или 973 январскаго года.

Все это необходимо, совершенно вѣрно и безспорно, но только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, *если Левъ Діаконъ говоритъ правду*, т. е. если вѣрно его показаніе, что Цимисхій праздновалъ свой бракъ съ Теодорою *во второмъ году своего царствованія, въ ноябрь мѣсяць*. Доселѣ, сколько извѣстно, никто (кромя Черткова) не сомнѣвался въ вѣрности этого показанія, никто не считалъ даже за нужное провѣрить его разсмотрѣніемъ общаго хода событій. Но спрашивается, такой ли историкъ Левъ Діаконъ, чтобы можно было съ полною увѣренностію полагаться на непогрѣшимость его показаній тамъ, гдѣ другіе свидѣтели показываютъ иначе? Конечно, онъ, какъ современникъ и очевидецъ, по крайней мѣрѣ, многихъ описанныхъ имъ событій, авторитетъ весьма важный; но и другіе Византійцы—Кедринъ и Зонара, никакъ не могутъ быть оставлены вовсе безъ вниманія. Уже Чертковъ («Описаніе войны Святослава» и пр. Москва, 1843, стр. 257) не безъ основанія замѣтилъ, что «противъ одного Византійца, говорящаго, что походъ былъ предпринятъ на третій годъ царствованія Цимисхія, мы имѣемъ двухъ, свидѣтельствующихъ, что война начата во второе лѣто его державы, и къ нимъ должно причислить третьяго лѣтописца, нашего правдиваго Нестора». — Допустимъ, пожалуй, что Несторъ, при всей своей правдивости, могъ погрѣшить по невѣденію, но никакъ нельзя сказать того же о Кедринѣ и Зонарѣ: они, очевидно, знали исторію Льва Діакона и пользовались ею, хотя, вѣроятно, только въ компиляціи своего старшаго современника Скилицы, писавшаго въ исходѣ XI или въ началѣ XII вѣка, современно съ нашимъ Несторомъ. Газе, сличавшій, безъ сомнѣнія, исторію Кедрина съ манускриптомъ (неизданнымъ) Скилицы, говоритъ (Not. in L. Diac. ed. Bonn. p. 476), «что Скилица, котораго сочиненіе Кедринъ только переписалъ (exscripsit), черпалъ свои извѣстія не изъ одного только Льва Діакона, но и изъ другихъ источниковъ». Вѣроятно, и Зо-

нара также списывалъ свои извѣстiя у Скилицы (такъ полагаетъ и Газе), или у Кедрина, съ исторiей котораго его «Анналы» весьма сходны и во многомъ даже буквально тождественны. Слѣдовательно, Скилица, источникъ Кедрина и Зонары, или нашелъ въ своихъ «другихъ источникахъ» болѣе вѣрное показанiе о годѣ войны Цимисхiя съ Святославомъ, или прочелъ это показанiе у самого же Льва Дiакона, но только по другой рукописи, болѣе исправной, чѣмъ та, единственная, дошедшая до насъ рукопись XI — XII вѣка, которую издалъ и комментировалъ Газе. При томъ же, и по этой рукописи у Льва Дiакона вовсе нѣтъ прямого, положительнаго указанiя на *третiй годъ* царствованiя Цимисхiя, какъ время войны его съ Русскими; это мы выводимъ только, какъ необходимое заключенiе, изъ его показанiя о времени празднованiя царской свадьбы. Но это показанiе, конечно, вѣрное у самого Льва Дiакона въ подлинникѣ, могло пострадать подъ перомъ переписчика дошедшей до насъ его рукописи, а у Скилицы, компилятора позднѣйшаго, могло сохраниться вѣрно, хотя и въ сокращенiи. Вотъ почему и заключенiе о годѣ борьбы Цимисхiя съ Святославомъ, вытекающее изъ этого показанiя, но несогласное съ свидѣтельствомъ Кедрина и Зонары, т. е. Скилицы, не можетъ быть принято безъ провѣрки, въ силу одного только авторитета Льва Дiакона, какъ современника. Слѣдовательно, чтобы рѣшить, кто правъ, Скилица ли (=Кедринъ и Зонара), или Левъ Дiаконъ, рассмотримъ ходъ событiй отъ вступленiя на престолъ Цимисхiя до той весны, когда онъ лично двинулся въ Болгарiю противъ Русскихъ.

Иоаннъ, Цимисхiй, убiйца Никифора, вступилъ на престолъ 11-го декабря 6478 (969) года, индикта XIII, какъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ Византiйцы, а Левъ Дiаконъ указываетъ и недѣльный день этого событiя — субботу, что совершенно вѣрно. Въ этотъ день, уже на разсвѣтѣ, во время 4-й смѣны ночной стражи, отрядъ отборныхъ воиновъ ходилъ по улицамъ столицы, провозглашая Цимисхiя самодержавнымъ императоромъ, царствующимъ вмѣстѣ съ Василиемъ и Константиномъ, малолѣтними

сыновьями Романа II. Въ то же время самъ Цимисхій, на тронѣ въ Золотой Палатѣ дворца, издавалъ указы и повелѣнія, рѣшая участь родственниковъ и друзей погибшаго своего предмѣстника: братъ императора Никифора, куропалатъ Левъ Фока, съ сыномъ Никифоромъ, были схвачены и сосланы на островъ Лесбось; другой сынъ Льва, Варда Фока, начальствовавшій войсками въ Азіи, былъ смѣненъ и отправленъ въ заточеніе въ городъ Амасію, въ Каппадокія; прочіе родственники Никифора и всѣ его друзья и приверженцы также лишились своихъ должностей и званій, а тѣмъ изъ нихъ, которые находились въ столицѣ, приказано было немедленно выѣхать и жить въ своихъ помѣстьяхъ. Всѣ высшія государственныя должности, въ столицѣ и въ провинціяхъ, замѣнены были новыми лицами, преданными Цимисхію; а чтобы столичная чернь, привыкшая въ подобныхъ случаяхъ (не рѣдкихъ въ Византіи) безчинствовать, расхищать имущество смѣняемыхъ чиновниковъ и мстить тѣмъ, которыхъ считала своими врагами, — чтобы чернь оставалась спокойною, разосланъ былъ по всему городу строжайшій указъ, грозившій смертною казнію всѣмъ бунтовщикамъ, нарушителямъ общественнаго спокойствія и грабителямъ чужой собственности. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и рѣшительности Цимисхія, государственный переворотъ совершился (чему удивляется и Левъ Діаконъ) необыкновенно быстро и спокойно, безъ всякихъ волненій, и даже безъ кровавыхъ жертвъ, кромѣ одной. Но патріархъ Полиевктъ объявилъ, что не станетъ вѣнчать новаго царя, пока убійцы прежняго, кто-бъ они ни были, не будутъ открыты и наказаны. — Главнаго виновника преступленія, разумѣется, никто не посмѣлъ обвинять, ни даже назвать громко по имени; а онъ самъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, указалъ на императрицу Теофанію. Овдовѣвъ по смерти Романа II, эта «прекрасная Лакедемонянка», какъ называетъ ее Левъ Діаконъ, вступила въ бракъ съ императоромъ Никифоромъ, но вскорѣ охладѣла къ нему и сдѣлалась виновницею, или—вѣрнѣе стазать—орудіемъ его гибели, какъ слабая женщина, увлеченная хитрымъ честолюбцемъ. Она, какъ

убійца царя и супруга, была теперь сослана на одинъ изъ острововъ Пропонтиды; изъ прочихъ своихъ сообщниковъ Цимисхій выдалъ только одного, по имени Льва Валанта, какъ исполнившаго приказаніе царицы. Когда, такимъ образомъ, правосудіе было для виду удовлетворено—тотчасъ послѣдовало и коронованіе новаго императора, безъ сомнѣнія, въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ.

Такъ достигъ Цимисхій царскаго вѣнца, какъ видно, довольно легко и скоро; но за то много труда, много тяжкихъ заботъ и опасностей предстояло ему впереди. Во первыхъ, столица и многія области Имперіи въ послѣдніе три года царствованія Никифора страдали отъ голода, вслѣдствіе бывшихъ повсюду неурожаевъ. Въ столицѣ и ея окрестностяхъ это естественное бѣдствіе было еще усилено безсовѣстнымъ корыстолюбіемъ царскаго брата, Льва Фоки, который одинъ закупалъ весь хлѣбъ, привозимый въ столицу, и потомъ продавалъ народу по цѣнѣ значительно возвышенной. Это вопіющее злоупотребленіе, навлекшее на самого царя всеобщій ропотъ негодованія и проклятія бѣднаго класса народа, съ воцареніемъ Цимисхія, разумѣется, тотчасъ прекратилось; а вскорѣ затѣмъ, вслѣдствіе быстрого и усиленнаго подвоза хлѣба отсюда, прекратились и бѣдствія, причиненныя голодомъ, чему не мало содѣйствовала и благотворительность новаго царя, щедрою рукою раздававшаго пособія бѣднымъ изъ казны царской и своей собственной. Во вторыхъ, великая и славная Антиохія, мѣстопребываніе патріарха, богатѣйшій изъ римскихъ городовъ въ Азіи, недавно только, оружіемъ Никифора, возвращенная отъ Аравитянъ, была снова угрожаема тѣми же врагами. Притомъ же она не имѣла и своего іерарха, ибо бывший патріархъ Антиохійскій Христофоръ погубъ, во время господства Аравитянъ, смертію мученика за свою ревность къ христіанству. На его мѣсто императоръ предложилъ благочестиваго инока Θεодора, лично ему извѣстнаго, и патріархъ Полиевктъ посвятилъ его на престолъ Антиохійскій. Но спустя вѣсколько дней, послѣ рукоположенія Θεодора, умеръ самъ преста-

рѣлый Полевкть, около 13-ти лѣтъ управлявшій Церковью. Въ преемники ему императоръ назначилъ другаго святаго отшельника, Василя, съ юныхъ лѣтъ подвизавшагося въ пустынножительство на вершинѣ горы Олимпа. Поставленіе его соборомъ епископовъ послѣдовало въ Недѣлю Православія, стало быть 13-го февраля 970 года.

Такъ какъ стремленіе Аравитянъ снова завоевать Антіохію было остановлено восточными легионами подъ предводительствомъ патриція Николая, то главными и опаснѣйшими врагами Цимисхія въ это время оставались одни Русскіе.—Ихъ еще императоръ Никифоръ вздумалъ призвать къ себѣ въ союзники или въ наемники, чтобы ихъ оружіемъ подчинить Болгарь своему скипетру. Но посланный для заключенія съ ними договора, патрицій Калокиръ распорядился иначе: вручивъ Святославу, велик. кн. Русскому, полученную отъ императора сумму (1500 фунт. золота), въ видѣ задатка отъ своего имени, и снискавъ его довѣріе и расположеніе, онъ предложилъ Русскому князю удержать, по завоеваніи, Болгарію навсегда за собою, поселиться тамъ и быть постояннымъ другомъ и союзникомъ Византіи, получая за то ежегодную дань или награду; сверхъ того обѣщалъ надѣлать его несмѣтными суммами изъ казны царской..., и все это за бездѣльную взаимную услугу — за то, чтобы Святославъ помогъ ему, Калокиру, низвергнуть Никифора и сдѣлаться императоромъ Византійскимъ. Предложеніе было заманчиво, и въ августѣ мѣсяцѣ 967 года пылкій и воинственный Святославъ, съ сильнымъ войскомъ, явился на берегахъ Дуная, разбилъ Болгарь и въ короткое время покорилъ всю Болгарію (разумѣется Восточную, т. е. страну между Нижнимъ Дунаемъ и Балканами). Хотя въ слѣдующемъ году нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ и заставило его воротиться на Русь, но не надолго: съ Печенѣгами онъ управился скоро и заключилъ миръ; а затѣмъ, подъ конецъ лѣта 969 года, по смерти своей матери Ольги (скончалась, полагаютъ, 15-го іюля), подѣливъ между тремя своими сыновьями всѣ непосредственно ему принадлежавшія владѣнія въ Русской землѣ,

опять отправился *въ свою уже Болгарію*, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ водвориться тамъ навсегда ¹⁾. Болгаре, которые по его отъѣздѣ возстали и отложились отъ Руси, встрѣтили его теперь не съ хлѣбомъ и солью, а съ оружіемъ въ рукахъ, бились отчаянно въ продолженіе цѣлаго дня, но были разбиты и, жестоко наказанные за возстаніе, должны были снова подчиниться русскому господству. Поздно увидѣлъ свою ошибку императоръ Никифоръ, однако надѣялся еще поправить дѣло: началъ ласкать Болгаръ, подстрекалъ ихъ отложиться отъ Руси и всячески старался привлечь на свою сторону, а послѣ вторичнаго ихъ покоренія Святославомъ, обѣщался самъ, со всѣми силами, придти къ нимъ на помощь, но погибъ среди приготовленій къ походу.

Таково было положеніе дѣлъ въ Болгаріи въ то время, когда началъ царствовать Цимисхій. Понятно, что новому царю необходимо было во первыхъ обратить вниманіе на Русскихъ, какъ главныхъ враговъ, которые угрожали ему тѣмъ большею опасностію, что поддерживали дерзкаго честолюбца Калокира, искаателя Византійской короны. — Чтобы показать полную готовность свою примириться съ ними на честныхъ и справедливыхъ условіяхъ, онъ отправилъ посольство къ Святославу и предложилъ уплатить Русскимъ по догвору, заключенному между ними и бывшимъ царемъ Никифоромъ, все слѣдующее имъ вознагражденіе за усмиреніе непокорныхъ Мисянь; но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они, получивъ полное во всемъ удовлетвореніе, мирно отправились на родину, оставивъ Болгарію, какъ область, издавна принадлежащую Византійской имперіи. На это Святославъ, разумѣется, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, т. е. предъявилъ съ своей стороны такія непомерныя, совершенно невыполнимыя требованія, которыя были равносильны отказу.

---

¹⁾ Святославъ, по показанію лѣтописца, говорилъ своей матери и боярамъ: «не любо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть среда земли моеѣ, яко ту вся благая сходятся»... (Полн. собр. лѣт. I, стр. 28).

И такъ, война съ Русскими была неизбежна и Цимисхій, конечно, предвидѣлъ это и безъ посольства, почему и распорядился уже заранѣе, чтобы передвинуть восточные легіоны въ Европу, подъ предводительствомъ магистра Варды Склира и патриція Петра. «Этимъ двумъ полководцамъ (говоритъ Левъ Діаконъ) императоръ приказалъ отправиться съ своими полками въ область, пограничную съ Мисіей, зимовать тамъ и, слѣдя за движеніями непріятелей, охранять страну отъ ихъ набѣговъ. Варда Склиръ расположился въ Адрианополѣ (это мы знаемъ отъ Кедрина, позднѣйшаго компилятора, а современникъ Левъ Діаконъ не называетъ ни города, ни области!), откуда высылалъ мелкіе отряды къ сѣверной границѣ, для собиранія свѣдѣній о непріятеляхъ. Наконецъ, узнавъ, что многочисленныя полчища, состоявшія изъ Руссовъ, Болгаръ и Венгровъ (Кедринъ и Зонара прибавляютъ къ нимъ и Печенѣговъ), уже опустошаютъ Византійскія владѣнія и приближаются къ Адрианополю, онъ выступилъ къ нимъ на встрѣчу, хитро завлекъ непріятелей въ засаду и нанесъ имъ совершенное пораженіе: изъ 30-ти тысячъ непріятелей перебилъ болѣе 20-ти тысячъ, потерявъ изъ своего 10-ти-тысячнаго войска только 55 человекъ! У Кедрина и Зонары хвастовство еще колоссальнѣе.

Но когда одержана была эта великая побѣда? Когда вызваны были войска изъ Азіи? Когда происходили переговоры съ Святославомъ? — На хронологическія даты скупы всѣ вообще Византійцы, а Левъ Діаконъ въ особенности; у него не только нѣтъ никакого отвѣта на предложенные выше вопросы, но нѣтъ и намековъ на время событій, нѣтъ даже случайно пророченныхъ выраженій, по которымъ можно было бы, хотя съ вѣроятностію, угадывать къ какому времени, къ которому году относитъ онъ тѣ или другіе факты. Въ которомъ году, напримѣръ, вызваны были войска изъ Азіи? Изъ того, что имъ приказано было зимовать «въ области пограничной съ Мисіею», можно заключить только, что они были вызваны не весною и не лѣтомъ, а осенью, или въ началѣ зимы, вообще на зиму; но на которую зиму? На

ту ли, въ которую вступилъ на престолъ Цимискій, или на слѣдующую, т. е. на зиму съ 970-го на 971-й годъ? — Вопросъ весьма важный, съ которымъ тѣсно связаны и другіе хронологическіе вопросы, вызываемые разсказомъ Льва Діакона. Если восточныя войска вызваны были въ Европу на зиму 970 — 971 года, то первое столкновение ихъ съ Русскими могло имѣть мѣсто или тотчасъ по прибытіи ихъ на зимнія квартиры, т. е. осенью 970 года, или по прошествіи этой зимы — весной 971 года; переговоры же съ Святославомъ происходили, какъ показываетъ Левъ Діаконъ, еще до прибытія войскъ изъ Азіи, слѣд. лѣтомъ 970 года, и если они производились такъ, какъ описываетъ Левъ Діаконъ, то могли, пожалуй, занять все лѣто; ибо на двукратную поѣздку изъ Византіи къ берегамъ Дуная и обратно какого-нибудь важнаго сановника, который, разумѣется, скакалъ не на курьерскихъ, на его частыя остановки въ пути, на аудіенцію у Святослава и на разныя непредвидѣнныя препятствія и проволочки, конечно, требовалось не мало времени. Но о чемъ же Цимискій переговаривался съ Святославомъ? — Онъ требовалъ бездѣлицы: чтобы Святославъ, довольствуясь, какъ наемникъ, платою за оказанную имъ услугу, убрался во свояси изъ Болгаріи, древней византійской области, чтобы онъ самъ добровольно отказался въ пользу Византіи отъ своего завоеванія, отъ своей законной добычи! Хотя Святославъ уже съ перваго раза отказался на отрѣзъ, однако царь отправилъ къ нему еще второе посольство съ тѣмъ же самымъ требованіемъ, приправленнымъ только бранью и угрозами, на которыя Святославъ отвѣчалъ, разумѣется, тѣмъ же, т. е. грозился выгнать самого царя со всѣми Греками въ Азію, однако не спѣшилъ исполненіемъ своей угрозы. — Кажется, что у Льва Діакона Цимискій и Святославъ, какъ будто, подражаютъ героямъ Гомера, которые также, выступая на единоборство, сначала крѣпко ругаются, грозятъ другъ другу изъдали, потрясая оружіемъ, а потомъ уже, сильно воспаленные гнѣвомъ, схватываются и дерутся. Впрочемъ, Цимискій не вполне подражаетъ древнимъ ратоборцамъ: тѣ бранятся, стоя другъ